

* * *

Наверное, мне не дано понять:
Ошибку повторила глупо снова.
Вонзили мне теперь по рукоять
Убийственно-безжалостное слово.

Сдавили горло взглядом палача,
Затрогали холодными руками.

Теперь на коже острого плеча
Зияет брешь, оставленная Вами.

И опыт сей, увы, пришёл к нулю.
Я вымолвить могу без страха снова,
Что я Вас, как и прежде, полюблю,
Что верно ждать без повода готова.

* * *

В тихом доме моём есть под крышей чердак,
Ночь живёт там в агатовой плоти.
Её нежностью к Вам можно греть города,
Только Вы никогда не придёте.

Ночь моя, как дитя, так сегодня нежна,
Верно ждёт Вас в вечернем пролёте.
Безвозвратно она больше Вам не нужна —
Никогда к ней уже не придёте.

Правду ей не шептал ветерок за окном,
Не скрипели, ворча, половицы —
Хищно правда сама умудрилась клыком
В шею ночи, изящную, впиться.

Взвыла ночь, словно зверь, и кровавый бардак
Звёзд разбрызгала дымною гривой.
И без Вас уползла, мой покинув чердак,
Умирать от рассвета под ивой.

* * *

Когда я умру, отравившись пулей,
Сразившей предательски наповал,
Накрой моё тело цветочным тюлем
Окна, под которым меня целовал.

И я к тебе буду летать, как призрак,
Рыдать шумом листьев и выть пургой.
А ты будешь рядом, так ложно близок,
За окнами теми — уже с другой.

* * *

Дикий сад не для роз, поворачивай прочь:
Там растут лишь ветра и туманы.
Не входи в дикий сад, в нём скулящая ночь
Языком лижет алые раны.

Не броди слишком долго в чащобе осин,
Меж навязчивых мысленных прутьев,
Что любовно поют голосами ундин,
Завлекая тебя в перепутье.

Не заглядывай в окна, в голодную мглу
У деревьев стоящего дома.
Кто-то там по ночам, скалясь, шепчет в углу:
«Как прекрасен твой лакомый омут...»

Не ходи в дикий сад: там цветы на беду,
Обречённые, рядятся в иней...
На следах твоих утром в забытом саду
Вымрет сумрак, холодный и синий.

* * *

По сердцу правда — кинжал по коже...
Все дни недели так длинно схожи.
В толпе беззначных людей-прохожих
Я стану частью пустого тоже.

Живым фрагментом архитектуры
Уносят в русло другой культуры.

Глаза и камни мускулатуры,
Неоднозначность твоей натуры —

Увы, владелец иного рока,
С моей не схожа твоя дорога.
Ты сам, как будто, с картин Ван Гога,
Был создан вечным примером Бога.

* * *

Упрощаешь все различия
До смешного неприличия —
Толь от мании величия,
Толь от жизни неналичия.

В одиноком сером здании,
Новом месте обитания, —
Лишь полночные свидания
Со своим больным сознанием.

Напрямую к апатичности
В разной степени критичности.
Словно трещина античности,
Разделение на личности...

И в одежде усмирения
Пребываешь в изумлении,
Что теперь ты — оскорбление
И всеобщее глумление.

* * *

Не стучитесь в окно, тонкорунный Февраль!
Мне отрадней молчание ситца.
Я открою огромный зелёный словарь,
Чтоб от Вашего холода скрыться.

Я смогу Вас забыть, погружаясь под лёд
Книжных строчек засушливо-строгих.
Буду ждать, когда прочь по снегам поползёт
Сонно топь моих чувств босоногих.

* * *

Приходи ко мне шумом тёплых рек,
С моей кровью влейся в пространство жил.
Сотвори меня под обёрткой век:
До тебя там вовсе никто не жил.

Приходи ко мне в каждом новом сне,
Дай вдохнуть туман чёрно-нежных глаз.
Штукатурка треснула на стене —
Я тону в тебе в самый первый раз.

* * *

Комната давит твоим неналичием,
Комкая мысли в неряшливый вид.
Я полоню тебя мягким обличием
Ситцево-душной пучины любви.

Пульса картечью сломаю молчание,
Склею надеждой дыру в потолке,
Нежно погибну, внимая дыханию
Пленной синицы в дрожащей руке.